

мой пал, Мемнон овладел его оружием. Боюсь, чтобы его тело не стало добычей псов. Вспомни о друге».

Печалью и гневом исполнилось сердце Пелида — после Патрокла Антилох был любимейшим из его друзей. Тотчас же стал он искать Мемнона. Но тот уже был наготове и первым бросил в него огромный камень, от которого Ахилл оборонился щитом. Сам же ловкий ахеец изловчился и пронзил эфиоплянину правое плечо. Не обращая внимания на рану, тот метнул копье и попал Пелиду в руку. Обрадовавшись успеху, Мемнон вскричал: «Надеюсь, что скоро ты погибнешь от моей руки. Ты, безжалостно погубивший столько троянцев. Ты считаешь себя храбрейшим из смертных, но теперь пред тобою сын бога, могучего сына той Эи, которая со светлого неба дарит день и богам и людям, меж тем как Фетида, твоя мать, праздная и неизвестная, сидит на дне морском, среди рыб и чудовищ».

«Мемнон, — ответил Пелид, — отчего ослепление влечет тебя против меня, потомка Зевса? Вот когда — а будет это сейчас же — мое копье проникнет тебе в печень, узнаешь ты, сколь известна и знаменита моя мать-богиня. Гектора я наказал за смерть Патрокла, а тебе отомщу за смерть Антилоха!» И сказав это, схватил он тяжелый меч и бросился на Мемнона, который тоже обнажил свой меч. Неукротимые и неуступчивые, наносили они удары, заслоняя себя щитами. Самому Зевсу увлекательно было смотреть на страшный бой героев, он увеличил их рост и силу, чтобы походили они на богов, а не на смертных. Долго бились противники, а их божественные матери, Эя и Фетида, все это время стояли с мольбой в глазах по обе стороны Зевса, от которого зависела судьба их сыновей. Остальные беге тоже столпились около владыки Олимпа и с участием взирали на бойцов.

И дошло бы между бессмертными дело до распри и стычки, если бы Зевс не решил дела. Он ниспослал на поле битвы двух богинь рока и повелел мрачной встать рядом с Мемноном, а светлой присоединиться к Ахиллу. Громко закричали бессмертные, кто от радости, кто от горя. Герои еще продолжали биться, не замечая приближения вестниц судьбы, и бились они подобно сторуким гигантам или титанам, хватаясь то за меч, то за тяжелый камень. Ни тот, ни другой не отступал и не давал повода усомниться в своей силе, а вокруг, не утихая, продолжалась резня, так что вся земля была усеяна трупами и пропитана кровью. Наконец, Пелид глубоко вонзил копье в грудь Мемнона, и тот с глухим стоном повалился ему под ноги. Возликовавшие ахейцы бросились снимать с эфиоплянина доспехи, а сам Ахилл, чтобы не дать врагу опомниться, пошел в атаку на троянцев и загнал их за крепостные стены.

Ситуация вновь повторилась, как и в случае с настланием на греческий лагерь амазонок. Обе стороны были предельно истощены, но психологический перевес теперь был на стороне ахейцев. Их воины, воодушевленные двумя выдающимися победами над армиями «севера» и «юга», во время очередного приступа сумели взломать Скейские ворота. Оставалось еще небольшое усилие, и, предводительствуемые Ахиллом, ахейцы ворвались бы в город. Тогда с Олимпа спустился Аполлон, страшно разгневанный поражением троянцев, и пошел навстречу Ахиллу. Земля тряслась от его шагов, пугающе звенели на плечах у него лук и колчан. Ужасающим голосом воскликнул серебрянолукий Аполлон: «Перестань свирепствовать, Пелид, и покинь стены Трои, не то погубит тебя один из бессмертных». Но неистовый воин не внял велению бога и не захотел удалиться. Более того, он дерзко закричал: «Феб, зачем вызываешь ты меня против моей воли на бой с богами? Ты уже раз обманул меня и отвлек от Гектора и троянцев. Убирайся же к прочим богам, не то поражу тебя копьем, невзирая на то, что ты небожитель». И сказав это, он стал нападать на троянцев, остававшихся в поле и вблизи крепостных стен, чем вконец разозлил предостерегавшего его Аполлона. Покрывшись густым облаком, златокудлый бог пустил роковую стрелу так, что попала она Пелиду в пятку — единственное уязвимое для него место.

Тело Ахилла пронзила вдруг сильная боль, и, упав, воскликнул он, озираясь: «Кто это, кто это пустил в меня губительную стрелу? Пусть выступит он против меня, пусть открыто сразится со мной, и мой меч тут же разорвет его внутренности и окровавленного низринет в Аид. Я знаю, что смертному не одолеть меня в открытом бою, но трусливый коварно подстерегает сильнеешего. Пусть выступит, если даже он небожитель!» Так говоря, выдернул он стрелу, и черной струей потекла из раны кровь. Вместе с ней уходила и жизнь из тела героя, но никто из троянцев не осмеливался подойти к нему. Подобно раненому льву, боролся Пелид со смертью. Найдя в себе силы, он, наконец, встал на ноги и с поднятым копьем пошел на врага. Орифаону, другу Гектора, он пронзил висок, так что острие копья проникло в мозг, Гиппофоя выколол глаза, сразил Алкифоя и еще многих из троянцев. Но силы покидали его. Он оперся на копье и страшным голосом закричал: «Горе вам, малодушные троянцы, и после смерти моей не уйти вам от моего копья, всех вас достигнет мой мстящий дух». Троянцы обратились в бегство, думая, что рана его не столь серьезна, но Пелид, уже не в силах двигаться, рухнул среди тел поверженных им врагов.

Погиб Ахилл, и это придало троянцам новые силы. Они вышли из-за стен с целью завладеть телом ахейского героя. Но против них выступили друзья Пелида во главе с Аяксом Теламонидом. Из-за тела и доспехов павшего завязался ожесточенный бой: холмами нагромодились трупы и ручьями потекла кровь убитых. Битва продолжалась целый день, до самого вечера. Лишь в конце его бурным вихрем пронесся Зевс между сражавшимися и позволил ахейцам вынести тело и оружие Ахилла. Могучий Аякс на плечах вынес бездыханное тело друга, меж тем как Одиссей и другие ахейцы отесняли нападавших троянцев. Друзья благополучно доставили героя до кораблей, вымыли и умастили его миром, затем облекли тело в тонкие одежды, положили его на ложе и остригли ему волосы. Хор из девяти муз сошел с Олимпа и запел в честь умершего погребальные песни. Семнадцать дней и семнадцать ночей прощались боги и люди с героем, а на восемнадцатый положили они облаченное в драгоценные одеяния тело на костер и сожгли его со множеством закланных овец и быков, с медом и миром. В продолжение всей ночи вооруженные ахейские герои торжественно обходили и объезжали пылающий костер. Рано утром, когда все истреблено было пламенем, собрали они пепел и белые кости героя и положили все это вместе с пеплом Патрокла в золотую урну. Затем поместили ее в гробницу, которая была сооружена для Патрокла на берегу Геллеспонта. Там же поставили пепел друга их Антилоха и над всем этим насыпали высокий курган — памятник для грядущих поколений.

Когда окончились устроенные в честь Ахилла погребальные игры, Фетида пожелала отдать его золотые доспехи тому из героев, кто оказал больше услуг ее сыну и кто был всех достойнее в войске. Соискателями объявили себя Аякс и Одиссей: они унесли тело Ахилла с поля битвы, оба, после смерти героя, были первыми в войске — один по исполинской силе и мужеству, другой по уму и ловкости в запутанных делах. Ахейцы боялись сами решать спор между такими знаменитыми героями, поэтому, не желая оскорбить их, назначили в судьи пленных троянцев. Те решили спор в пользу Аякса. Но Атриды при этом поступили нечестно. Завидую великому Теламониду, они украли у него победу при подсчете голосов. Это стало известно как войску, так и Аяксу. Оскорбленный до глубины души, герой удалился в свою палатку, и здесь им овладела такая тоска и такая лютая ненависть к Атридам, виновникам своего позора, что он посреди ночи с мечом в руке побегал к их шатру. Богиня Афина, однако, охраняла Агамемнона и Менелая и поразила вбежавшего в царский шатер Аякса безумием. В

*Аякс с телом Ахилла. Деталь росписи амфоры из Вульчи.
Вторая половина VI в. до н.э.*

помешательстве бросил-ся Аякс на стада и заколол множество быков, думая, что он истребляет Атридов и их приспешников. Когда же ослепление прошло, не было во всем мире человека, который бы испытывал такой стыд и страдания, как Аякс. Не в силах пережить своего позора, Теламонид ушел на берег моря и бросился на воткнутый им в землю меч.

*Самоубийство Аякса Теламонида.
Фрагмент росписи чернофигурной
амфоры Эксекия. Ок. 530 г. до н.э.
Болонья, Городской музей*

Так греки лишились еще одного своего великого воина. Но что не в состоянии сделать сила, иногда способна сотворить хитрость. Именно ее взяли на вооружение греки, столкнувшись с отчаянным сопротивлением троянцев. Да и могло ли быть иначе, если учесть, что после смерти Ахилла и Аякса роль главного советника Атридов перешла к Одиссею. Удача сопутствовала ему, и он сумел захватить в плен троянского прорицателя, Приамова сына Гелена, от которого он узнал, что для взятия Трои необходимо содействие Филоктета, обладавшего стрелами Геракла, и Ахиллова сына Неоптолема. Напомним, что первого, отравленного ядом змеи, ахейцы бросили когда-то на острове Лемнос. Второй же проживал вместе со своей матерью на острове Скирос (скалистый остров северо-восточнее Эвбеи, самый большой в группе островов, называемых ныне Спорадами).

Одиссей и Диомед отправились на Скирос и без труда достигли там своей цели. Сильный и мужественный, подобно своему отцу, Неоптолем охотно последовал за ними в ахейский стан, как ни противилась мать его отплытию. Больше трудностей и опасностей, однако, представляло путешествие на Лемнос. Обиженный и оскорбленный предательством, Филоктет озлобился на ахейское воинство, а более всего на Одиссея, посоветовавшего оставить больного на острове. Убедить Филоктета отправиться под Трою казалось делом невозможным, но Одиссей взялся решить и эту задачу. Он придумал хитроумный план, заключавшийся в том, что Неоптолем должен был приехать на Лемнос и разыграть роль обиженного ахейскими вождя-

9. Бор. 260-84-21
ми война. Сыну Ахилла было поручено войти в доверие к Филоктету и пообещать вывезти его на родину. Но когда обманутый взойдет на корабль, его надо было разоружить и отвезти в ахейский стан, расположенный невдалеке от Трои.

Историю воплощения столь необыкновенного замысла донес до нас Софокл в своей драме «Филоктет». Из нее мы узнаем, что план Одиссея не удался. Виной всему оказался его помощник, неспособный, как оказалось, на обман и хитрость. Поначалу Неоптолем прекрасно исполнил свою роль, у него уже были в руках желанные стрелы, но невыносимые страдания бедного Филоктета так подействовали на юношу, что он не смог продолжать обманывать его и открыл всю правду. Более того, уступая мольбам раненого воина, сын Ахилла возвратил ему и лук со стрелами. Теперь все зависело уже от воли Филоктета, но он ни в какую не хотел помогать Одиссею и компании. В конце концов, благородный Неоптолем решил исполнить данное больному товарищу обещание отвезти его на родину, и уже готовы они были к отплытию, как в божественном блеске явился Филоктету его друг Геракл, некогда обладавший знаменитыми стрелами, и склонил его помочь ахейцам одолеть Троию. Геракл возвестил страдальцу, что под стенами Трои он получит исцеление от бога врачевания Асклепия, обретет великую славу и вознесется на Олимп. Филоктет, имевший причины не доверять людям, поверил обещаниям своего божественного друга: добровольно и охотно последовал он за Неоптолемом и Одиссеем под Троию, чтобы, согласно велению судьбы, довести злосчастную Троию до рокового конца.

Еще с большим мужеством стали сражаться ахейцы с тех пор, как прибыли к ним герои лемносской драмы. Филоктет быстро оправился от своей раны, а Неоптолем был молод, и военные невзгоды его еще не утомили. Ненасытно жаждали они новых битв и великие беды причиняли троянским отрядам. В одном из первых сражений Филоктет нанес своей стрелой неисцелимую рану Парису. В мучениях и страданиях умер троянский царевич — один из главных виновников Троянской войны. Благодаря мужеству Филоктета, Неоптолема и других могучих героев, ахейцы вновь (в который уже раз!) загнали троянцев в город, но взять Троию греки никак не могли. И тут в очередной раз блестяще проявил себя Одиссей. Вначале он под видом нищего проник во вражеский город и, бродя от дома к дому, выведал настроения горожан и секреты обороны крепости. Кроме Елены, никто не узнал Одиссея, но в Елене снова пробудилась любовь к отчизне. Она приняла Одиссея у себя дома, велела омыть,

умастить его тело и одарить новой одеждой. Узнав многое из того, что ему было важно, Одиссей благополучно возвратился из своего разведывательного похода в ахейский лагерь, побив на обратном пути множество троянцев. Потом во второй раз он отправился в Трою уже вместе с Диомедом. Ахейцам было предсказано, что они не завоюют неприступный город, если не завладеют священным палладиумом (статуэткой Афины), находившимся в храме Афины в Трое. И два ахейских героя, проникнув в Трою, выкрали его.

И, наконец, самая блестящая идея Одиссея, позволившая сломить сопротивление троянцев, — деревянный конь, которого ахейцы оставили у стен Трои, а сами, погрузившись на корабли, уплыли, как казалось, насовсем. Конь был высоким и с таким просторным нутром, что в нем разместилось значительное число ахейских воинов. Среди них были Одиссей, Менелай, Диомед, Филоктет, Нептолем и многие другие. Остальные ахейцы сожгли палатки свои и под предводительством Нестора и Агамемнона подняли паруса, чтобы скрыться за ближайшим островом в засаде.

Троянцы долго обсуждали, что делать с конем. Высказывались самые разные мнения. Мнимый перебежчик из ахейского войска Sinon, который якобы чудом избежал казни, уверял троянцев, что богиня Афина разгневалась на греков за кражу палладиума из троянского акрополя. Страшным знамением будто бы возвестила богиня свое негодование. Как только палладиум был принесен в ахейский стан, так ярким пламенем заблестали глаза у статуи, соленый пот выступил на ней и трижды подскочила она со щитом и дрожащим копьем. Тогда прорицатель Калхас возвестил ахейцам, что им немедленно следует плыть домой, так как в гнев своем богиня не даст им разрушить твердынь Илиона. В Аргосе надо будет ждать новых велений богов, а Афины следует умиловить подарком в виде деревянного коня. Если посвященный Афине дар, говорил Одиссеев шпион Sinon, будет разрушен вашими руками, Трое не избежать гибели, если же вы внесете его в акрополь, то стенам Микен грозит со стороны Азии та же участь, какую готовили ахейцы стенам Илиона.

Но вот из города в сопровождении многочисленной толпы показался жрец Аполлона Лаокоон. Еще издали закричал он: «Несчастные! Что за безумие! Неужели вы думаете, что враги уже уплыли? Разве вы не знаете Одиссея! Или в коне таятся ахейцы, и машина эта будет направлена против стен наших, или скрывается здесь какая-нибудь иная военная хитрость. Троянцы! Не доверяйтесь коню. Бойтесь данайцев, дары приносящих!» С этими словами бросил он копье

в чрево коня, и глухо прозвучало оно, слышался как бы отзвук оружия. Не помрачись у троянцев рассудок, разрушили бы они деревянное чудовище, спасли бы родной город. Но иного хотела судьба.

Провидец Лаокоон жестоко пострадал за свои пророческие речи. На глазах у толпы троянцев из моря выскользнули две змеи и устремились прямо на жреца, рядом с которым стояли два его сына. Обвили они малюток и стали жалить. Отец попытался воспользоваться оружием, но змеи стали душить и его. Лаокоон-страдалец кричал и тщетно старался освободиться от страшных объятий. Бездыханными оставили чудища свои жертвы и проскользнули к храму Афины, где и скрылись под защиту богини. Со страхом смотрели троянцы на это ужасное зрелище и увидели в нем кару гневной Афины Лаокоону за то, что преступным копьем осквернил он дар, посвященный богине. Все закричали тогда: «Надо тащить коня в город! Поставить в акрополе в храме Афины, да смягчит свой гнев оскорбленная богиня!» И вот троянцы проламывают стены (ворота слишком узки) и, нетерпеливые, тащат деревянную фигуру в город. Отроки и девы провожают его священными песнями и радуются, когда удастся руками коснуться каната. Четырежды застревает конь в проломе, четырежды бряцает в его утробе оружие ахейцев, но не замечают этого троянцы и продолжают тащить роковой дар данайцев. Одна Кассандра, дочь Приама, узрела опасность и предупреждала о ней, да только не поверили ее словам троянцы и посмеялись над ней. Все от стара и до млада беззаботно пировали, веселились и плясали: наконец-то, думали они, прекратилась долгая, жестокая война.

В тот вечер не один троянец, опьяненный вином, посмеялся над посрамленными врагами, которые, не исполнив задуманного, обратились в бегство. Около полуночи все жители Трои беззаботно уснули. Тогда Синон, гулявший до конца вместе с горожанами, тайно подкравшись к воротам, разложил костер. Это был условный знак для остававшихся на кораблях ахейцев. Потом Синон поспешил к деревянному коню и дал знать скрывавшимся в нем героям, что пришло время действовать. Обрадовались они голосу Синона, давно уже хотелось им покинуть свое мрачное убежище. Ахейцы разошлись по улицам Трои и, врываясь в дома, стали убивать опьяневших, сонных троянцев. Скоро запылали первые дома в городе. Благодаря попутному ветру ахейцы приплыли к троянскому берегу и бросились к пролому в крепостной стене. И тогда началась резня. Кровь лилась по тротуарам, где умирающие и изувеченные валялись рядом с убитыми. Стоны раненых, вопли бегущих, свирепые крики победителей

*Гибель Лаокоона и его сыновей.
Мрамор. Ок. 50 г. до н.э. Рим, Ватиканские музеи*

смешивались с жалобными воплями жен и детей. Полуобнаженные женщины и дети металась по улицам и домам. Но троянцы отчаянно защищались всем, что попадалось им под руку. Одни бросали в нападавших ахейцев кубки, столы, пылающие головни из очага, другие вооружались топорами, вертелами, копьями и мечами и бились на улицах, многие бросали с кровель камни и бревна.

После страшной резни на улицах победители устремились к троянскому акрополю, к укрепленному дворцу Приама. Тут разгорелся такой бой, что казалось, будто война началась только с этого момента. Данайцы устремились на штурм дворца. Подняв над головой щит часть из них пробивалась по ступеням к крепким воротам, другие по лестницам взбирались на стены и башни. Троянцы защищались последних сил, слишком велико было число нападавших. Прямо против дворцовых ворот возвышалась самая высокая башня дворца с нее можно было обозреть всю Трою и все пространство до самих греческих кораблей. Верхний ярус этой башни защитники хотели опрокинуть на врагов. Долго трудились они напрасно, но вот появился могучий Эней с несколькими товарищами, и дело сладилося. Массивная башня полетела вниз и придавила множество ахейцев. Но новые толпы заменили павших, а впереди всех дрался Неоптолем. С секирой добежал Пирр (другое его имя) до ворот, разбил дверную перекладину и выбил двери из обложенных медью косяков. Отсюда открывался вход во внутренние покои Приама.

Ахейцы овладели дворцом и всю хозяйничали в нем. Победители упивались грабежом и насилием. Когда царственный Приам осознал, что город взят, он одел тяжелые доспехи и взял копье. Супруга его Гекуба вместе с дочерьми и невестками собрались во дворе дворца, у алтаря Зевса. Причитая, они обнимали статуи богов и просили у них защиты. Приам присоединился к ним, желая в последний миг своей жизни быть опорой и защитой самых близких для него людей. Только старец сел у алтаря, как видит, что сын его Полит, истекая кровью, спешит к нему. Но не суждено было Политу в последний раз обнять отца. Неоптолем настиг его и пронзил копьем. Стар и слаб уже был Приам, чтобы сражаться на равных с молодыми воинами, но он мужественно вышел навстречу врагу и нетвердой рукой метнул свое копье в безжалостного сына Ахилла. Отскочило оно от доспехов ахейца, не причинив ему ни малейшего вреда. В ответ же Неоптолем схватил старца за седые волосы, протаскивал его по полу, а затем глубоко, до самой рукояти, вонзил в грудь ему свой меч.

Разрушение Трои. Акварель

Вазописец Клеофрада. Гидрия «Падение Трои» из Нолы

Остальные сыны Приама подверглись такой же участи. После смерти Гектора между ними более всего выделялся Деифоб. Он был поддержкой дома и после смерти Париса стал мужем Елены. В то время как происходила резня в палатах Приама, Менелай с Агамемноном, Одиссеем и отрядом воинов поспешили к его спальне, где захмелевший Деифоб спал в своей постели. Менелай проткнул его мечом и промолвил: «Умри, пес, на ложе моей супруги!» В гневе изувечил он труп, а затем, горя жаждой мести, стал искать свою неверную жену. От страха перед ревнивым мужем Елена спряталась в темном углу комнаты. Увидев жену, Менелай бросился на нее с обнаженным мечом, но Афродита, вечная ее заступница, вдруг наполнила его сердце нежной любовью и успокоила, так что меч сам собой выпал из его рук. Долго стоял он неподвижно и дивился красоте своей неверной подруги, начисто забыв о вине ее. Но потом опять в нем пробудилась злоба и ревность, и поднял он с пола меч и убил бы Елену, если б не подоспел Агамемнон. «Оставь, Менелай, — воскликнул он, — не следует убивать тебе жену, из-за которой натерпелись мы столько бед. Не так виновна Елена, как Парис, столь ужасно нарушивший права гостеприимства. Потому боги и наказали его». Менелай послушался брата и повел жену к кораблям.

Туда же приведено было множество жен и дев троянских. Среди них были престарелая царица Гекуба и ее дочери — Кассандра, Поликсена, невестка Андромаха. Несчастливая супруга Гектора стала добычей Нео-

птолема. Но мало того, на глазах Андрوماхи озверевшие ахейцы сбросили со стены ее единственного сына — Астианакса. В глубокой печали сидели несчастные троянки у чужеземных кораблей и глядели на дымящийся город, где лежали убитыми их отцы, супруги и сыновья. Жребий убитых казался им более счастливым. Они пали, а значит отстрадали свое горе. Оставшихся же в живых ждала жестокая участь — рабство.

Только двое троянских вождей избежали общей судьбы — Эней и Антенор. Старца Антенора пощадили ахейцы за то, что он радушно принял в своем доме Менелая и Одиссея, когда они пришли послами в Трою, и постоянно настаивал на том, чтобы троянцы возвратили грекам Елену. Впоследствии он вместе с частью племени генетов (венетов) переселился на берег Адриатического моря. Герой Эней, так долго бившийся во взятом ахейцами городе, не видя никакого другого выхода, решился бежать. Отца своего, хромого старца Анхиза (и кстати, брата жреца Лаокоона), Эней взвалил на плечи, а юного сына своего Аскания взял за руку и под защитой ночи, руководимый Афродитой, удалился из города. Впоследствии он отплыл с малоазийского берега в Италию, где положил основание Великому Риму.

Еще несколько дней горела ограбленная Троя. Одетые мрачным облаком, боги оплакивали паденье Илиона, столь долго господствовавшего над всей Азией. И только Гера и Афина Паллада радовались гибели царства Приама...

Глава 4

ТРОЯ, ГОМЕР И ВОЙНА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,

И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Ф. Тютчев

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Н. Гумилев. Современность

В предыдущих главах мы рассказали о ходе Троянской войны, основываясь на литературных произведениях античной эпохи. Но насколько содержащиеся в эпических поэмах сведения о ней соответствуют действительности?

Для античности Троянская война была несомненным фактом. Следы ее виделись буквально повсюду. О ней напоминали родословные, идущие от ее героев, названия основанных ими городов, гавани, где были стоянки их кораблей, мысы и острова. Древние историки, безусловно, верили в ее реальность. Правда, они по-разному датировали ее. Так, «отец истории» Геродот считал, что битва за Трою происходила в середине XIII в. до н.э. Другие авторы вслед за ним пытались уточ-

нить эту дату, причем назывались как более поздние (1234 г. до н.э. — по Клитарху; 1212 г. до н.э. — по Дикеарху; 1193 г. до н.э. — по Фрасиллу и Тимею; 1184 г. до н.э. — по Эратосфену и следующим за ним Аполлодору, Диодору, Евсевию), так и, наоборот, более ранние (1334 г. до н.э. — по Дурису; 1270 г. до н.э. — согласно анонимному «Жизнеописанию Гомера»). Сам по себе такой разнობой в датах весьма примечателен. Мы имеем очевидное доказательство, что античные историки не только имели какие-то конкретные аргументы в пользу реальности этой войны, но и могли соотносить ее с определенными событиями, о которых они имели информацию. Иначе как можно обосновывать свою датировку с точностью до года!

В Древней Элладе не велись какие-либо летописи или хроники. Существовали лишь предания и легенды, увековеченные в поэмах. И все же изобретательные эллины нашли способ создать хронологию событий, о которых повествуют поэтические мифы. Дело в том, что многие эллинские царские роды вели свою родословную от героев греческой мифологии (Тезей, Геракл, Ясон и т.д.). Семейная традиция этих родов бережно хранила и передавала из поколения в поколение длинные перечни предков, сопоставляя жизнь своего рода с эпизодами реальной истории, например, с первой Олимпиадой, состоявшейся в 776 г. до н.э. В конечном итоге чаще всего приходили к выводу, что эпоха героев и их ближайших потомков, которым были посвящены греческие мифы, относится к XVI—XII вв. до н.э. (в пересчете на нашу хронологию). В датировке конкретных событий, однако, неминуемо случались расхождения, что хорошо объясняет приведенные выше различные примеры датировки Троянской войны.

Учителями для древнегреческих авторов были египетские жрецы. Они владели тайной иероглифического письма и потому выступали своеобразными хранителями древнейшей истории Средиземноморья. У них, в частности, собирал сведения о далекой войне Геродот. Поэтому не приходится сомневаться, что мифы троянского цикла опирались на прочную историческую основу. Кстати, Геродот жил в V в. до н.э. и описывал в основном историю своего века. Из всех же войн древности, в которых участвовали греки, он выделил Троянскую! Семь с лишним веков — огромный период в жизни народа, но среди всех военных столкновений и битв, в которых участвовали эллины за все это время, право первенства безоговорочно отдавалось троянской кампании. Это ли не говорит о ее исключительном значении!

И еще один, очень важный момент. Троянские мифы — венец греческой мифологии. Троянская война знаменует конец эпохи ге-

роев, удивительным образом падение троянского царства совпадает по времени с закатом греческой мифологии. Завоевание Трои — самая важная победа древнегреческих витязей, создается даже впечатление, что малоазийская земля была каким-то важным центром, без которого древнегреческая культура той поры не могла существовать самостоятельно. И похоже, что одновременное наступление «темных веков» мифологии в Греции сразу же по окончании войны также не случайно. Троянская земля таила в себе какой-то очень необходимый источник вдохновения для древнегреческих сказителей!

Греки разрушили Трою. После их нашествия вся область Троады пришла в запустение. Но память о древнем городе продолжала жить. Весной 344 г. до н.э. Александр Македонский во главе своего войска подошел к Геллеспонту (так в древности назывались Дарданеллы) — проливу, отделяющему Европу от Малой Азии. Пока его воины готовились к переправе, молодой царь, а ему было всего 22 года, со своими соратниками поскакал к оконечности полуострова, где находился высокий курган, который повсеместно и уже много веков считался могилой Протесилая — первого ахейца, погибшего в Троянской войне. Друзья перенесли его останки на европейский берег и похоронили на выступающей в море оконечности полуострова, чтобы герой мог приветствовать корабли, выходящие из Эгейского моря в пролив. Эта могила была окружена религиозным почитанием, здесь приносились жертвы, а в ближайшей роще жрецы отправляли священные обряды. Туда и спешил юный полководец. Но его жертва и молитвы имели более глубокий символический смысл. Точно так же, как и много веков назад грекам, македонско-эллинскому войску предстояло сражаться с великой азиатской державой, с персидской монархией. Молясь у могилы легендарного героя, Александр просил у богов милосердие отнестись к его начинаниям и, в отличие от Протесилая, уготовить лучшую участь первому, ступившему на землю врага.

И все прошло так, как хотел Александр. Переправа через пролив совершилась быстро и благополучно, а персы даже не попытались оказать сопротивления. Историк Арриан (I—II вв. н.э.), автор сочинения «Поход Александра», писал, что по рассказам очевидцев Александр высадился в «Ахейской гавани». Он сам правил при переезде адмиральским кораблем и первым во всеоружии вступил на азийскую землю. Царь Александр должен был признать, что древние жители Троады выбрали для Илиона великолепное место — на самой оконечности Азиатского материка, где береговая линия разворачивалась почти под прямым углом. На западе раскинулось Эгейское море, на севере протянулся узкий и длинный залив Геллеспонт. Го-

род располагался на одинаковом расстоянии — приблизительно в одном часе ходьбы — и от моря и от пролива. На западе у подножия холма по широкой долине бежала, извиваясь, река Скамандр, впадавшая в Геллеспонт, от Эгейского моря реку отделяла гряда невысоких холмов. По берегам реки росли деревья. С севера город огибала более спокойная и менее широкая река Симоент. Летом она полностью пересыхала. Симоент впадала в Скамандр, и Илион (Троя), таким образом, лежал как бы в вилке, образуемой этими двумя реками, что делало город труднодоступным для врага.

Придя в Илион, Александр принес жертву Афине Илионской, повесил в ее храме полное вооружение, а взамен его взял кое-что из священного оружия, сохранившегося еще от Троянской войны. В сражении его носили перед ним. На алтаре Зевса Александр принес жертву Приаму, моля его больше не гневаться на род Неоптолема, из которого происходил он. И эта жертва тоже имела символический смысл. По преданию, сын Ахилла Неоптолем убил Приама именно у алтаря Зевса. Александр, считая себя потомком Неоптолема, хотел тем самым вымолить прощение у верховного бога и смыть позор со своего рода. У надгробия Ахилла македонский царь, как пишет Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях», умастил тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника. Затем, возложив венок, он сказал, что считает Ахилла счастливым, потому что при жизни он имел преданного друга, а после смерти — великого глашатаю своей смерти.

Посещение Александром Илиона явилось началом возрождения пришедшего в упадок славного города. Великий македонец мечтал украсить Трою, воспетую его любимым поэтом, величественными зданиями. Однако продолжительные войны на Востоке, а потом смерть молодого полководца на тридцать третьем году жизни помешали осуществлению этого замысла. Кое-что, правда, сделали наследники Александра, в особенности фракийский царь Лисимах, обнесший Трою мощными стенами. Но поистине благодатные времена наступили для Трои, когда она оказалась под римским владычеством. Юлий Цезарь считал Энея основоположником своего рода, и потому весьма милостив был к Трое. Благоклонно относились к городу и другие императоры: Август, Адриан, Марк Аврелий, Константин Великий. Во все века в Трое сохранялся культ древних героев, он продолжал существовать даже тогда, когда в Римской империи стало распространяться христианство.

В 354 г. н.э. Трою посетил будущий император Юлиан. Он был горячим приверженцем древнегреческой религии и культуры. Через десять с лишним лет Юлиан, ставший к тому времени императором,

в письме к одному из своих друзей описал свои впечатления от города: «Там есть герион Гектора, и в маленьком храме там стоит его бронзовая статуя. А напротив нее на открытом дворе установлена статуя великого Ахилла». По свидетельству Юлиана, и могила Ахилла, и посвященный ему храм были в полной сохранности, и местный епископ относился к ним с большим почтением. В те времена, когда в Трое побывал Юлиан, городу Приама еще было чем гордиться. Однако после падения Римской империи город стал нищать, он часто подвергался набегам, разрушениям и пожарам и к началу Средних веков превратился в груду развалин. Среди деревьев и кустарников бродили козы и овцы. О том, что некогда здесь стоял укрепленный город, можно было лишь догадываться, и пришедшие сюда турки называли это место попросту Гиссарлык, что значит «холм».

Приведенные факты неоспоримо свидетельствуют, что древние греки и римляне были совершенно убеждены, что их Илион находился на том самом месте, где некогда стоял город, воспетый Гомером. Но так ли это на самом деле? А может быть, гомеровская Троя находилась поблизости на каком-то другом холме? Или же разрушенная ахейцами, она никогда больше на том же месте не отстраивалась, а названия — Троя, Илион — было дано совершенно другому городу, построенному на холме, который сейчас носит имя Гиссарлык? Такое предположение выдвигали уже древние историки, и их вполне можно понять — никаких материальных доказательств существования на этом холме древнего поселения II тысячелетия до н.э. тогда не было! Позднее, уже в новое время — в XVIII — первой половине XIX вв. — ученый мир раскололся на две половины. Одни исследователи утверждали, будто гомеровская Троя является плодом поэтической фантазии, поэтому серьезно и внимательно изучать содержащиеся в поэме топографические данные не следует. Красноречивым свидетельством пренебрежительного отношения европейских историков к сочинениям Гомера может служить хотя бы характерное название книги некоего Джекоба Брайена, вышедшей в Англии в 1797 году: «Сочинение о Троянской войне и о походе греков, описанном у Гомера, доказывающее, что никогда такого похода не было и что никогда такого города во Фригии не существовало». (Фригией в древности называлась северо-западная часть Малой Азии, выходящая к проливу Дарданеллы и Мраморному морю). Примерно 50 лет спустя знаменитый английский историк Дж. Грот снова достаточно категорично высказался по этому же вопросу в своей многотомной «Истории Греции». «Нас могут спросить, — писал он, — не содержится ли в этой легенде (имеется в виду миф о Троянской войне. — А.А.)

что-либо историческое; то есть не происходила ли у подножия троянского холма война между людьми, между государствами, без богов, без героев, без бессмертных коней, без амазонок, без эфиопов под предводительством сына Зари, без деревянного коня? В ответ на это нам придется сказать, что такая война, конечно, могла быть, но так же вероятно, что никакой такой войны не было. Никаких достоверных рассказов об этом нет, а верить сказкам нелепо».

Но другая группа ученых, с доверием относившаяся к описаниям и указаниям «Илиады», считала, что Трое соответствует местность, расположенная несколько выше по течению Скамандра, — турки называли ее Бунарбаши. Число приверженцев этой точки зрения особенно возросло после того, как французский путешественник Лешевалье, посетивший этот район Малой Азии в 1785—1786 гг., обнаружил неподалеку от Бунарбаши два источника — холодный и горячий. Вспомним — в «Илиаде» говорится о двух таких источниках вблизи стен Трои. Поэт упоминает о них, описывая, как Гектор бежит от преследующего его Ахилла:

Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огня;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.

На многих производил впечатление тот факт, что поэтическое описание, сделанное много веков назад, совпадало с тем, что можно было увидеть в действительности. И на протяжении нескольких десятилетий почти все европейские ученые единодушно считали, что Бунарбаши — это и есть гомеровская Троя. Свои рассуждения Лешевалье подкрепил картами. Правда, то обстоятельство, что он вычерчивал их слишком произвольно, выяснилось лишь позднее, когда проблемой местонахождения Трои стал заниматься Генрих Шлиман.

Об этом человеке стоит сказать особо. Невзрачный на вид человек, маленького роста — всего 157 см, он всегда мечтал о славе. Задавшись целью расстаться с нищетой и стать богатым, он сколотил себе миллионное состояние на поставках индиго, затем в Калифорнии во время знаменитой «золотой лихорадки» и на парижском рынке недвижимости. Но, получив вожаемое богатство, Шлиман вдруг

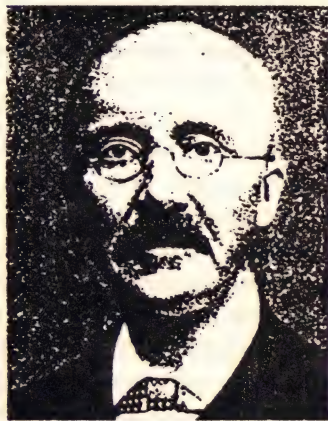

решил круто переменить судьбу. Теперь его главной страстью стала наука и изучение языков. В 1866 году, в возрасте 44 лет, он поступил в Сорбоннский университет. В это время Гомер стал его кумиром, он с упоением читал «Илиаду» и «Одиссею» и мечтал разгадать тайну «пропавшей» Трои.

В 1868 году Шлиман прибыл в Турцию, чтобы увидеть места, где сражались его любимые герои. Исследуя район Бунарбаши, он с удивлением обнаружил, что карты Лешевалье вычерчены не вполне точно. Кроме того, оказалось, что источников здесь не два, а целых сорок и среди них — ни одного горячего! Далее. Расстояние между Бунарбаши и Геллеспонтом составляло по прямой линии более 20 км. Между тем, если верить «Илиаде», Трои от лагеря ахейцев, раскинувшегося на берегу Геллеспонта, отделяло самое большее несколько километров — герои, вестники и воины в течение одного дня неоднократно пересекали это пространство. К примеру, в течение первого дня сражения путь от лагеря ахейцев до Трои дважды пересекали гонцы, отправившиеся за жертвенными ягнятами, и, самое малое, четыре раза само греческое войско. Все эти обстоятельства убедили Шлимана в том, что Бунарбаши ни в коем случае нельзя считать Троей, описанной Гомером. Чтобы удостовериться в этом окончательно и иметь возможность возразить предполагаемым оппонентам, он нанял местных крестьян, которые выкопали здесь глубокие ямы в ста различных местах. Всюду наверх поднимали чистую землю, пока на небольшой скале не наткнулись на природную скалу. Лишь в одном месте, на южном склоне холма, обнаружили остатки какого-то небольшого укрепленного поселения. Найденные здесь мелкие глиняные черепки относились ко времени после Александра Македонского. Никаких следов более древних построек не было! Позднейшие изыскания показали, что на этом месте располагался городок Горгис, но он возник и развивался уже в позднегреческий и римский периоды.

Убедившись в неправоте Лешевалье и его приверженцев, Шлиман начал тщательно обследовать все возвышенности по обоим берегам Скамандра, продвигаясь вниз по его течению по направлению к Геллеспонту. Поиски не давали никаких результатов, пока исследователи не оказались на холме Гиссарлык. Он представлял холм длиной 230 м и шириной 160 м и очень отличался от тех возвышенностей, на которых стояло селение Бунарбаши. Тут повсюду были разбросаны мраморные плиты и куски тесаного камня. Стоило ткнуть землю носком сапога, как обнаруживалось большое количество гли-

Четыре портрета Генриха Шлимана: в 50-е, 60-е, 70-е и 80-е годы XIX века.

На снимке сверху (слева) Шлиман предстает перед нами энергичным, преуспевающим петербургским купцом.

Рядом (справа) — мучимый сомнениями миллионер, стремящийся обрести новую цель в жизни, в одиночку скитавшийся по миру в поисках ее.

Внизу (слева) — археолог Шлиман, ученый, кем он себя и считал.

Внизу (справа) мы видим Шлимана, на лице которого оставили зловещие отметины тяжелая болезнь и крутые повороты судьбы. Этот снимок сделан всего за несколько месяцев до его смерти.

няных черепков. Да, на Гиссарлыке не было холодного и горячего источников, бьющих прямо из земли, но здесь совпадало и расстояние до Геллеспонта — немногим более 4 км, и расположение — у места слияния двух рек, и, наконец, тот факт, что именно на этом месте располагался Илион, который посещали Александр Македонский и римляне.

Шлиман был не первым, кто предложил эту теорию. Еще за пятнадцать лет до его приезда американский консул в Дарданеллах Фрэнк Калверт, который в свое время занимался археологией, выдвинул смелый тезис о том, что воспетая Гомером Троя лежит под холмом Гиссарлык. За какую-то мизерную — скорее, чисто символическую — цену он купил часть этой земли и предпринял за свой счет раскопки, в результате которых в его восточной части наткнулся на слои из остатков стен храмов или дворцов, представлявших собой скопления сложенных послойно камней и относившихся к различным эпохам. Еще через десять лет Калверт, заручившись поддержкой Британского музея в Лондоне, попытался организовать новый цикл раскопок. Но в последний момент это предприятие рухнуло, поскольку не нашлось никого, кто согласился бы взять на себя расходы в сумме ста английских фунтов стерлингов. В американском консуле Шлиман увидел «родственную душу». Он писал: «После того как я дважды тщательно обследовал Троянскую равнину, я полностью разделяю мнение Калверта, что эта плоская поверхность холма Гиссарлык и является местом, где прежде находилась древняя Троя, и что на этом холме возвышался некогда троянский акрополь — Пергам».

И Шлиман принимает решение: «Я начинаю раскопки Трои». То, что на это вполне могло не хватить и целой его жизни, не смущало исследователя. Расходы здесь никакой роли не играли. Не действовали и никакие научные доводы о том, что под Гиссарлыком Трои нет и быть не может. И Шлиман победил! Древняя Троя была найдена!

Всего Шлиман провел на Гиссарлыке семь раскопочных сезонов. В последние годы жизни — а Шлиман умер в 1890 году — ему активно помогал немецкий архитектор Вильгельм Дёрпфельд, который впоследствии продолжил раскопки на месте древнего поселения. Еще позже, в 1932 году сюда прибыла прекрасно оснащенная американская экспедиция под руководством К.В. Блегена, проработавшая здесь более четырех лет. Она существенно уточнила результаты пионерских открытий Шлимана и Дёрпфельда. Что же теперь можно сказать на основе всех имеющихся в настоящее время данных об истории поселений на холме у слияния Скамандра и Симоента?

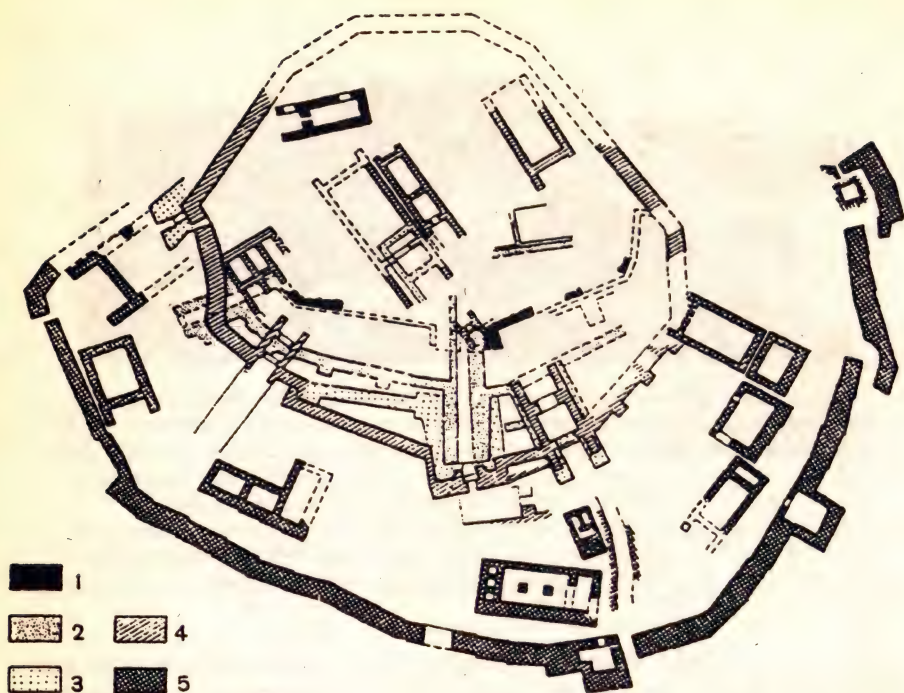
Глядя на склоны холма Гиссарлык, никак нельзя было предположить, что в недрах его скрывались более десятка различных культурных слоев, принадлежавших нескольким историческим эпохам в жизни древней Трои.

Дискуссия о том, следовало ли искать воспетую Гомером Трои здесь или же в расположенном неподалеку селении Бунарбаши, и восстановила против Шлимана весь научный мир. Здесь изображен склон холма Гиссарлык в самом начале раскопок. На переднем плане — мост через древний Скамандр (гравюра из книги Шлимана «Илион»).

Первые долговременные человеческие поселения возникли здесь уже около 3000 г. до н.э. Начиная с этого времени на холме непрерывно, на протяжении восемнадцати веков, жили люди. Чего только не пережили здешние обитатели за такой большой отрезок времени! Периоды длительного процветания сменялись годами войн и всевозможных бедствий. Не раз поселение бывало уничтожено пожарами или землетрясениями, часто страдало от набегов враждебных племен. Но несмотря ни на что жизнь здесь не замирала. На руинах разрушенных домов и оборонительных стен возводились новые постройки, создававшиеся либо уцелевшей частью населения, либо завоевателями. Вплоть до рубежа XII в. до н.э. сохранялась непрерывность, преемственность застройки холма Гиссарлык.

Поселения наслаивались одно на другое, и холм поднимался все выше. В некоторых местах толщина культурных напластований достигает более десяти метров над скальным основанием. Если сделать вертикальный разрез холма, то обнажатся следы многочисленных поселений, и опытный глаз без труда отделит один слой от другого, поскольку каждый период характеризуется своими особенностями строительства, формой глиняных сосудов и стилем украшений. В развалинах строений обнаружены сотни различных мелких предметов, которые могут о многом рассказать специалисту. Между 3000 и 1200 гг. до н.э.

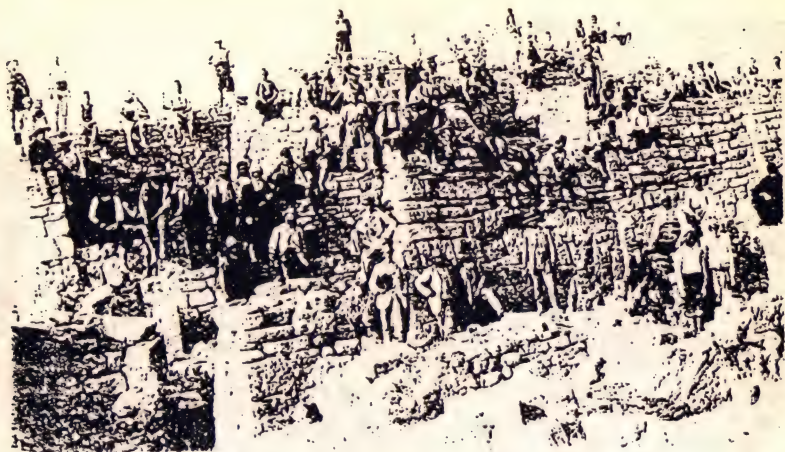
Троя. План крепостных и жилых сооружений разных строительных эпох.

1. Троя I (конец IV — начало III тыс. до н.э.). 2. Троя II-а. 3. Троя II-б.
4. Троя II-с (2500—2250 гг. до н.э.). 5. Троя VI (XV—XIV вв. до н.э.)

выделяются семь слоев. Нумерация начинается снизу, то есть с древнейших слоев. В каждом слое, в свою очередь, выделяется несколько горизонтов, которые обозначаются латинскими буквами.

Около 1200 г. до н.э. — по нумерации археологов это слой VII-а (первый нижний горизонт VII слоя) — поселение, лежавшее на берегу Скамандра, постигла катастрофа, ставшая причиной его гибели. Жестокий враг разрушил город. Уцелевшие горожане пытались отстроиться на пепелищах и руинах, но созданные ими небольшие и бедные поселения вскоре оказались завоеванными каким-то пришлым племенем, находившимся на более низком уровне цивилизации. Впрочем, пришельцы здесь не задержались. Вскоре холм совершенно опустел, и больше никто уже не строил на нем домов. Только около 700 г. до н.э. здесь был отстроен греческий городок, объявивший себя наследником имени и славы Илиона. Именно в нем гостил Александр Македонский, а потом и другие знаменитые люди, включая

*Вместе с Вильгельмом Дёрпфельдом
Шлиман начал в 1882 году шестой этап раскопок в Трое.
На снимке: исследователь вместе с группой рабочих-землекопов
перед стеной из шестого культурного слоя.
Сложенные из крупных камней остатки стен
относятся к гомеровской Трое.*

императора Юлиана. Какой же из семи слоев соответствует времени Троянской войны?

Шлиман считал, что в «Илиаде» описано падение Трои II. Именно в соответствующем ей слое он обнаружил следы сильного пожара и бесценные сокровища, спрятанные в стенах одного из домов: цепочки, серьги, сосуды, подвески — все изделия из чистого золота и серебра. Всего насчитывалось 8833 предмета. Шлиман был убежден, что пожар возник при штурме города ахейцами, а найденные им драгоценности — это клад царя Приама. Но еще Дёрпфельд указывал, что слой Трои II гораздо древнее гомеровской Трои. При помощи современных методов датировки в настоящее время установлено, что Троя II пала около 2200 г. до н.э., то есть приблизительно за тысячу лет до того времени, каким традиционно датировалась Троянская война. Следовательно, этот археологический слой никак нельзя соотносить с тем городом, в котором находилась прекрасная Елена.

Сам Дёрпфельд предполагал, что гомеровской Троей является Троя VI. Культурные останки этого слоя были детально изучены экспедицией Блегена. Было установлено, что оборонительные стены этого города построены из очень хорошо отесанных каменных плит. Городская крепость имела четверо ворот. За ее пределами найден не-

Крепость в Трое VI. Восточная стена. Ок. 1400—1300 гг. до н.э.

крополь (кладбище), покойников здесь сжигали. Сопоставление найденных в этом слое остатков посуды, ее форм и орнаментов на них с керамикой из других областей Эгейского бассейна показало, что эта Троя существовала в начале второй половины II тысячелетия до н.э. и погибла около 1300 г. до н.э., причем, не в результате пожара, а сильнейшего землетрясения. Установив этот факт, Блэген пересмотрел позицию Дёрпфельда. По его мнению, гомеровской Троей следует признать Трою VII-а, погибшую в результате вражеского нашествия и сопутствовавшего ему пожара около 1250 г. до н.э.

Землетрясение, пережитое Троей VI, по-видимому, обошлось без значительных человеческих жертв. Археологи установили, что оно лишь разрушило часть домов. Оборонительные стены во многих местах дали трещины, но обрушились только их верхние части. Троя VII-а отстраивалась самими пострадавшими, вот почему культура соответствующего ей периода является прямым продолжением предшествующей. Естественно, процесс восстановления города требовал определенного времени, не сразу было достигнуто и прежнее благо-

состояние. И наверняка Троя VII-а превзошла бы своим величием Трою VI, если бы город не уничтожила война. В Трою ворвался враг, принесший разрушения и смерть. Об этом говорят бесчисленные следы: в домах, на улицах, у стен обнаружены скелеты людей, умерших насильственной смертью, людей, которых некому было хоронить; сами дома были разграблены и сожжены. Археологические раскопки принесли еще одно удивительное открытие: в последний период существования Трои VII-а в городе возникло множество небольших домиков. В каждом из них, даже в самых миниатюрных, под полом находился склад продовольствия, хранившегося, как правило, в глиняных кувшинах. Объяснение этому может быть только одно: город собирался дать пристанище значительно большему числу жителей, чем в обычное время. По-видимому, в это время у стен города стоял враг! Итак, Троя VII-а пала после осады, захваченная и разрушенная неприятелем. Она располагалась в северо-западной части полуострова Анатолия, именно там, где Гомер и все античные авторы после него помещали град Приама. Разве это не убедительное доказательство того, что в легендах о Троянской войне содержится зерно исторической правды?

И еще одно удивительное совпадение. История городов Трои VI и Трои VII-а, воссозданная на основе археологических данных, находит неожиданное подтверждение в мифе о троянском царе Лаомедоне. Вот его краткий пересказ.

Однажды Аполлон и Посейдон провинились перед Зевсом и должны были понести кару. Верховный бог повелел им в течение года быть людьми и жить среди людей, трудом зарабатывая себе на пропитание. Наказанные боги отправились в Трою, к знаменитому царю Лаомедону, и подрядились работать на него. Аполлон пас царские стада на лугах Троады, а Посейдон строил вокруг города мощные стены. Прошел год, и настал день расплаты, и тут Лаомедон отказался платить обоим работникам (никто, разумеется, не знал, что они боги). Вместо этого он стал угрожать, что продаст их в рабство или изуродует.

Так боги и ушли ни с чем. Но отмщение пришло очень скоро: Посейдон наслал на страну чудовище, пожиравшее людей. Троянцы и их царь были бессильны перед ним. Но на счастье, в это время к берегам Троады приплыл на шести кораблях с небольшой горсткой воинов великий и знаменитый герой Геракл. Цель его посещения была вполне мирная: он хотел получить у Лаомедона его знаменитых коней.

Царь Трои поспешил воспользоваться прибытием могучего героя. Он пообещал дать ему в награду коней за освобождение страны от ужасного бедствия. О договоре между Гераклом и Лаомедоном «Илиада» не сообщает, но о том, что этот договор существовал, не трудно догадаться, потому что в поэме говорится о стене, которую троянцы построили для Геракла. Эта стена (насыпной вал) должна была защитить героя, если бы морское чудовище стало его преследовать. В жестокой схватке Геракл победил. Однако, когда дело дошло до расплаты, его постигло такое же разочарование, как и двух богов незадолго перед тем. Лаомедон обманул его, не отдав обещанных волшебных коней. Охваченный гневом, Геракл решил покарать вероломного царя. Он предпринял поход против Трои, взял город, убил Лаомедона и всех его сыновей, кроме одного, известного впоследствии под именем Приама. Волшебных коней герой, разумеется, прихватил с собой.

Если следовать хронологии, основанной на мифах, война Геракла против Трои происходила за несколько десятилетий до разрушения города ахейцами. Как уже отмечалось, Троя VI погибла в начале XIII в. до н.э. в результате землетрясения. Но один из эпитетов морского бога Посейдона — «колебатель земли»! Согласно древнегреческим мифам, он мог ударом своего трезубца разрушить скалы, поднять бури и вызвать землетрясения. С этой точки зрения, морское чудовище, насланное Посейдоном на Трою, естественно связать с землетрясением, разрушившим Трою VI. На ее развалинах была построена Троя VII -а, она-то по прошествии нескольких десятилетий и была разграблена и сожжена ахейцами.

Отличительным признаком Трои VI является широкое использование горожанами лошадей. В более ранних слоях археологи не обнаружили следов этого животного. Но как раз своими волшебными конями и славилась Троя! Трою Гомер дважды называет в «Илиаде» доброконной (с ладными жеребцами). Для троянцев он 24 раза использует эпитет «укротители коней» и один раз «бодатели коней», но применительно к грекам такие сравнения не использованы ни разу. У прадеда Лаомедона царя Эрихтония, по свидетельству «Илиады»:

По долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, молодых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.

Знаменитые кони Лаомедона стали причиной гнева Геракла и первого разрушения Трои. В связи с этим дарение троянцам дере-

вянной статуи коня приобретает символическое значение. Ахейцы как бы возвращали тех священных коней, что украл из Трои Геракл. Это, действительно, выглядело как благороднейшее предложение о прекращении вражды и заключении мира. Вот почему троянцы так трепетно отнеслись к подарку и поставили статую в храм Афины! Да, не сила погубила великую Трою, а хитрость...

Итак, имеются все основания отождествить гомеровскую Трою с городом, обнаруженным в слое VII-а. Сам автор этой концепции, Блеген, не видел оснований осторожничать. «Это, право же, очень простой вопрос, — писал он в 50-х годах XX века, — столь простой, что длительная дискуссия большей частью утратила суть и растеклась в мозаике несущественных деталей. В гомеровских поэмах и во всем корпусе относящейся к ним греческой традиции Троя — это царская твердыня, резиденция могущественного царя и столица всего Северо-Западного региона Малой Азии. Гиссарлык — как раз такая крепость... Это ключевой памятник, доминирующий над Троадой... Тут нет места для другого... Нет альтернативного памятника. Если когда-либо была Троя (ну а кто, в самом деле, может в этом сомневаться?), она должна была стоять на холме Гиссарлык».

Этот оптимизм, надо сказать, в наше время разделяется не всеми специалистами. Известный историк Ю.В. Андреев в своей книге «Поэзия мифа и проза истории» отмечает, что все еще остаются неясности и сомнения, мешающие признать троянскую проблему окончательно решенной. Так, некоторых специалистов удручает тот факт, что Троя VII-а совсем не соответствует тому образу, который складывается о городе при чтении «Илиады». Там Троя четырежды названа просторной и дважды широкоулочной и высоковоротной. А вместе с тем городище в слое VII-а состоит из нескольких десятков небольших домов, сгрудившихся под защитой стен цитадели, весь поперечник которой составляет около 200 м. Что ж, эпическая поэзия на то и поэзия, чтобы по возможности приукрасить изображаемый предмет. Но надо полагать, что историческая Троя была, прежде всего, резиденцией правителя, его семьи и двора. Подданные же — земледельцы, рыбаки, ремесленники — жили за стенами замка, в долине Скамандра, на холмах, в глубине полуострова и на берегу моря. Они отдавали владельцам крепости плоды своего труда, получая защиту в случае набегов соседей или пиратов. Именно такого рода переполнение города обнаружили археологи накануне гибели поселения Троя VII -а. Что же касается числа греков, штурмовавших столь небольшое укрепление, то и здесь мы вправе сослаться на прием

гиперболизации в эпическом повествовании. С другой стороны, отметим, что 100 тысяч воинов не будет казаться столь фантастическим числом, если под Троянской войной понимать всю военную кампанию, проводившуюся греками в Малой Азии на протяжении нескольких лет.

Ученого также удивляет, что в данном археологическом слое не найдено ни одного сколько-нибудь примечательного сооружения, хотя бы отдаленно напоминающего царский дворец. Но он сам же пишет, что Шлиман «безжалостно разметал во время раскопок всю центральную часть этого поселения, так же как и лежащих под ним Трои VI и V, не придавая им никакого серьезного значения». Да, кстати, обнаружение дворцового ансамбля в Трое не изменило бы взглядов ученого-скептика, если бы там не нашлось какой-нибудь письменной таблички с именем Приам, Гектор или Александр. Так сильно у некоторых профессионалов-историков нежелание верить в реальность Трои и Троянской войны!

Профессор Л.С. Клейн в послесловии к прекрасной книге А. Кравчука «Троянская война» пишет даже, что захват Трои «был, скорее, мечтой ахейцев, утоляемой сказками, чем исторической реальностью XIII века до нашей эры. Стимулом к сочинению подобных песен на основе туманных сказаний послужила, очевидно, экспансия греков-эолийцев на Лесбос и северо-западное побережье Малой Азии в X—IX веках до нашей эры, а непосредственным поводом — отплытие объединенной флотилии греческих отрядов, руководимых потомками Агамемнона на восток, к Малой Азии». Схожей по существу позиции придерживается и Ю.В. Андреев, который заключает свое исследование так: «Весьма вероятно, что именно таким событием-символом, событием-итогом, подводящим черту под длинным рядом более или менее однотипных, но происходивших в разное время и в разных местах исторических эпизодов, как раз и была Троянская война». Прочитав эти пассажи, так и хочется воскликнуть: «Ну и дураки же были все эти греки! Придумали какую-то войну, а потом более тысячи лет свято верили в нее и вели родословные от ее героев».

Но сомнения авторитетных ученых относительно историчности Троянской войны тоже можно понять. До сих пор остается открытым вопрос — в чем же заключается величие этой войны? Ответу на него посвящены две следующие части нашей книги.

Часть II

МЕТАИСТОРИЯ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Повторяю еще: важнее всяких материальных признаков, всякого политического устройства, всяких отношений граждан между собой, преданья и поверья самого народа.

А.С. Хомяков

Историки — люди основательные. В своих выводах они неизменно ссылаются на сведения, почерпнутые в тех или иных документах. Источники — это самый необходимый материал для разжигания их творческого огня. Как математик начинает строить свою теорию, отталкиваясь от определенной системы аксиом, так и ученый-историк опирается в рассуждениях на общепринятый свод текстов и установленных фактов.

Но выстроить целостную картину исторического события на основе одних только источников невозможно. Этот парадокс уже давно известен математикам. В 1931 г. американский логик Курт Гедель доказал теорему, согласно которой любая логически непротиворечивая, формальная аксиоматическая теория никогда не исчерпывает полностью свой предмет каким бы то ни было перечнем исходных аксиом. Всегда оказывается возможным найти или сформулировать такое утверждение, что ни само это утверждение, ни его отрицание нельзя ни доказать, ни опровергнуть, исходя из данной аксиоматики. Применительно к обсуждению исторических событий это означает, что если оставаться в кругу конечного числа общепринятых источников, то рано или поздно столкнешься с проблемой выбора

одной из двух равновозможных интерпретаций. В такой ситуации для того, чтобы отдать предпочтение какому-либо мнению, ученому следует выйти за рамки исторической науки в ее классическом понимании и привлечь дополнительные аргументы совершенно иного порядка. Но тогда его оппонент непременно отметит в своем отзыве, что данное рассуждение, возможно, справедливо, но прямо источниками не подтверждается и потому доверия едва ли заслуживает.

Подобные недостатки присущи всякому теоретическому знанию, которое нельзя непосредственно проверить на опыте. И это прекрасно понимают профессиональные историки. Многие важные проблемы они оставляют без ответа, ограничиваясь указанием, что в настоящее время для этого недостаточно данных. Особенно много таких «белых пятен» накопилось у исследователей Древнего мира, располагающих относительно небольшим объемом источников. Правда, в их распоряжении имеется огромное количество мифов, преданий и легенд о событиях того времени, которые, в общем-то, еще не осмыслены историками. Однако большинство ученых к этим богатствам народной мудрости относится скептически. Еще А.С. Хомяков в своей «Семирамиде» писал: «Когда мы сравниваем современный критический дух с наивностью историков и летописцев средних веков, нам они кажутся жалкими невеждами или по крайней мере легковверными детьми. За всем тем, чем далее мы продвигаемся в науке, тем чаще нам приходится соглашаться с их мнениями, находить смысл в их сказках и удивляться верности их заключений. Бесхитростные, простодушные, чуждые нашей учености книжной и словесной, они не надеялись слишком много на свою догадку, на тонкость своих исследований, но... не презирали чужого невежества и охотно верили тому, что другие народы сами про себя говорили и о себе помнили». Прошло более века, но мало что переменилось в стане историков. Они, по преимуществу, не хотят поставить мифы и сказки древних народов в один ряд с письменными источниками и материальными памятниками.

Другое дело, непрофессионалы, среди которых множество писателей, мифологов, философов, ученых-естественников и просто любознательных исследователей, стремящихся извлечь рациональную информацию из мифологии древних народов. Именно в их среде родился новый метод изучения древнейших цивилизаций, который писатель В. Щербakov очень удачно назвал метаисторическим.

Глава 5

О МЕТАИСТОРИИ, АХЕЙЦАХ И ПЕРВОПОСЕЛЕНЦАХ В ГРЕЦИИ И НА КРИТЕ

Как скоро мы отделили историю от летописи, мы получили возможность ее создавать там, где летописей нет и не было. Всякое произведение письменное, всякое творение ученое, всякий поэтический отголосок, всякий памятник... делаются пособиями, точками отправления или данными для разрешения нашей задачи. История государств, народов, племен может возникнуть из мрака древности, свежая и исполненная занимательности, хотя нам не суждено никогда узнать имена их вождей и подробности об их деяниях.

А. Хомяков

Народы, племена, их гений, их судьбы
Стоят перед тобой, своей идеи полны,
Как вдруг застывшие в разбеге бурном волны,
Как в самый жаркий миг отчаянной борьбы
Окаменевшие атлеты...
Ты видишь их насквозь, их тайну ты постиг,
И ясен для тебя и настоящий миг,
И тайные грядущие обеты...
Но грустно зрячему бродить среди слепых
«Поймите лишь, — твердит, — и будет вам прозрень!»
Поймите лишь, каких носители вы сил, —
И путь осветится, и все падут сомненья,
И дастся вам само, что жребий вам судил!»

А. Майков

Метаистория, буквально, — это то, что следует за историей, следующий, более всеобъемлющий этап осмысления человеческого прошлого. Его характерным свойством является привлечение для восстановления целостной картины минувших эпох данных из других областей знания, в первую очередь мифологии и языкознания, а также расширение возможных методов исследования. Азбукой метаистории можно считать сочинение нашего выдающегося философа, поэта, публициста, историка и богослова — Алексея Степановича Хомякова (1804—1860), которое он назвал именем знаменитой ассирийской царицы — «Семирамида».

Эта книга, писавшаяся с некоторыми перерывами около 20 лет и составившая три объемистых тома, вполне сохранила стиль и особенности домашних бесед. В ней отсутствуют цитаты, почти нет указаний на источники (а в качестве таковых Хомяков держал в памяти сотни исторических, философских и богословских сочинений), некоторые факты изложены неточно, некоторые сопоставления, особенно этимологические, явно поверхностны и случайны. Однако «любительская» позиция Хомякова идет вовсе не от недостатка сведений и не от неумения работать профессионально. Рядом отправных тезисов исследователь заявляет, что существующая историческая наука не в состоянии определить внутренние, действительные причины движения истории и выявить тем самым реальную канву событий, — следовательно, это должен сделать непрофессионал в свободном поиске утверждений и их доказательств и в форме, «отрешенной от сутубой научности».

А.С. Хомяков попытался взглянуть на историю человечества с одной позиции, вплести судьбы отдельно взятых цивилизаций в общий процесс развития общества и, наконец, выделить в этом многонациональном мире движение отдельных племен и народов. По-видимому, он был первым, кто сформулировал правила извлечения конкретной исторической информации из мифологии древних народов.

Религия — наиболее яркое воплощение души народной. Боги народа — отражение его мирозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством был Род — символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами, на которых были изображения своего невидимого покровителя, устрешенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умиловить, но и переманить его на свою сторону» (Хомяков А.С. Семирамида). Интереснейший момент — по судьбе богов можно следить за борьбой и перемещениями народов. Принятие чуждого бога в свой пантеон — процесс вынужденный. Он обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя. Таким образом, распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Вот наугад выбранный пример.

В Повести временных лет имеется неясное для комментаторов упоминание о том, что первопродок киевлян Кий был перевозчиком на

Днепре. Летописцу это предание тоже непонятно, поэтому он пишет: «Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, как говорят». Странная выходит ситуация: о первом князе, основателе города и династии, сохранилось всего два обрывочных воспоминания, и потому каждое из них должно нести какую-то очень важную информацию. Но заслуживающим внимания, на первый взгляд, кажется только упоминание о походе на Царьград. Сам по себе это факт огромной важности, он указывает, что Русь изначальная соперничала с Византией. Легенда же о перевозчике выглядит каким-то недоразумением, противоречием здравому смыслу. Но неужели наши предки были настолько легкомысленны, чтобы в течение нескольких веков из уст в уста передавать совершенно бессмысленную информацию? Удивительно, что ни один историк не задумался над этим. А разгадка этой легенды, прямо скажем, необычная.

В шумеро-аккадской мифологии Ки — один из верховных богов. Шумеры называли его Эн-ки — Божественный Ки, а аккадцы — Хайа (Эйя). Ки — хозяин всех земных вод. Этому богу очень подходит роль хозяина реки (в просторечьи перевозчика). Но это лишь одна из его функций. Он также бог мудрости и защитник людей, бог плодородия, носитель культуры и создатель мировых ценностей. Ки сотворил людей и в человеческой истории выступает хранителем основ цивилизации. Но и в русской летописи говорится, что Кий — первопредок! В мифе «Энки и Шумер» наш герой выступает как устроитель земного порядка на земле. Он отправляется в путешествие по земле, оплодотворяет ее и «определяет судьбу» городам и странам. Ки — символ мужского начала. Некоторые исследователи утверждают, что русские своим самым знаменитым матерным словом — сравни: Ки — кий, куй, — поминают именно этого бога! Вот зримое проявление связи времен: несколько искаженное имя бога стало ругательством, но образ, связанный с ним и ясно выражающий идею оплодотворения, предельно точно характеризует важнейшую роль бога-творца как зачинателя жизни.

Образ бога Ки восходит к тому далекому времени, когда индоевропейские народы были еще единой семьей. Мигрируя по планете, они приносили свои мифы в самые отдаленные уголки. Вот почему «следы» бога Ки (Кия) обнаруживаются и в Поднепровье, и в Междуречье. Это следствие глобальных перемещений народов в древности. Находки археологов неопровержимо доказывают факт присутствия индоевропейцев в Шумере, поэтому воссоздание изначальных представлений о нашем мифическом первопредке более чем оправдано. К тому же одна из ассирийских клинописных табличек, найденных в Месопотамии, открывает подлинный смысл предания о перевозчике.

Табличка содержит рассказ человека по имени Ут-напиштим о том, как он и его супруга достигли бессмертия. Согласно ему, однажды боги решили покарать людской род и уничтожить все живое на земле, ниспослав страшный потоп. И лишь гуманный бог Хайа (Ки), который присутствовал на этом совете богов, решил предупредить благочестивого Ут-напиштима о грозящей опасности. Ки приблизился к построенному из ветвей, камыша и глины домику Ут-напиштима в городе Шуруппакé. Дуновением ветра донесся его шепот: «Слушай, стена, слушай! Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всех живых существ!...» Потом добрый бог Ки рассказал, каким должен быть корабль. И Ут-напиштим построил огромный ящик с крышкой, который был разделен на несколько этажей и отделений. Он тщательно прошпаклевал этот ковчег горной смолой и погрузил на него своих домочадцев, пожитки и скот.

Когда хлынул дождь, Ут-напиштим сел в ковчег и закрыл дверь. Началась буря. Засверкали молнии, загрохотал гром, кругом все потемнело, и страшный ливень обрушился на землю. Шесть дней и ночей продолжалось светопреставление. Когда же все утихло, Ут-напиштим открыл окна и увидел остров. Это была вершина горы Нисир, восточнее Тигра. Спустя еще шесть дней Ут-напиштим выпустил голубя. Тот вернулся. Потом улетала ласточка, но и она возвратилась. В конце концов, был выпущен ворон, который уже не вернулся назад. Ут-напиштим понял, что это знак ему покинуть ковчег и ступить на землю, которая уже подсыхала. Он освободил из ковчега животных и на вершине горы принес благодарственную жертву богу.

Древние шумеры, как и средневековые русичи, считали себя потомками великого бога Ки. В незапамятные времена им пришлось пережить катастрофу, отраженную в рассказе Ут-напиштима. С той эпохи и сохранялась легенда о божестве-перевозчике, спасшем людей своим своевременным советом. История, рассказанная Ут-напиштой, аналогична библейскому преданию о Всемирном потопе. Ут-напишта — это вавилонский Ной, а Иегова, наставляющий последнего, играет роль бога Ки. С естественнонаучной точки зрения, факт глобального наводнения объясняется таянием ледникового покрова, поэтому миф о потопе — бесспорное доказательство произошедшей некогда массовой миграции предков индоевропейцев (праиндоевропейцев) с севера на юг. Прародина индоевропейцев располагалась, по-видимому, где-то на территории Центральной или, более вероятно, Восточной Европы. Последнее уточнение связано с тем, что на землях Восточной Европы, вплоть до Ледовитого океана, ледника уже не было в XII тысячелетии до н.э.

В славянской архаической традиции Кий (Кый) — имя божественного кузнеца. О былом почитании этого божества свидетельствует то, что на территории Восточной Европы известно около шестидесяти поселений, происходящих от его имени (Киев, Кийево, Кыйов и т.п.). Как и загадочного «перевозчика», образ кузнеца следует соотносить с общеиндоевропейским богом-первопредком Кием. В английском языке его имя стало местоимением «he», что значит «он» — самое что ни на есть верное определение высшей силы. Женскую параллель бога Ки находим в Греции, это богиня земли Гея (кстати, по-шумерски «ki» означает «земля»), переходы «к» в «г» и «х» — обычное дело при воспроизведении слова в другом языке. От той же основы, думается, происходит название нашей реки Оки и самого слова «океан». Эпическая «о» здесь аналогична неопределенному артиклю в английском языке или начальной «о» при образовании ирландских фамилий — например, О'Коннор, О'Лири, О'Хара. На наш взгляд, и название народа ахейцев, штурмовавших укрепления Трои, тоже связано с именем общеиндоевропейского бога Ки. Во всяком случае, совершенно точно известно, что они относились к семье индоевропейских народов и пришли на территорию Греции откуда-то из Центральной или Восточной Европы в начале II тысячелетия до н.э. Кто же здесь обитал до них?

Народ, первым обосновавшийся на берегах Эгейского моря, древние авторы называли пеласгами. Пеласгический (догреческий) миф творения отличается от «олимпийского», который записал Гесиод. Согласно представлениям пеласгов, Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, а за ее спиной трепетал ветер. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях, и перед ее глазами предстал великий змей Борей. Эвринома пробудила в нем желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Затем она превратилась в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. Данный вариант мифа творения содержит осколки чрезвычайно архаических представлений: Великая богиня в нем может оборачиваться птицей, а ее божественным супругом выступает олицетворяющий природные силы ветер. Но важнейшая его подробность заключается в указании пути движения богини с севера на юг. Это направление миграции народа пеласгов!

Теперь о богах, упоминаемых в пеласгическом мифе творения. Имя Борей не находит объяснения на греческой «почве», и за разъяснением его смысла придется заглянуть в словарь русского языка. Борой называ-

ют русские ураганный ветер. Если ураган сопровождается метелью, то говорят о буране (боране). Однокоренным для всех них будет слово «буря», которое в старину писалось как «боуря» (эта форма указывает на переход корня «бор» в «бур»). В русских сказках известен «прототип» Борея Буря-богатырь — победитель чудо-юды. Ну а Эвринома? С этим именем ситуация сложнее: оно греческого происхождения и двусоставное. Вторая его часть образована от греческого слова «кочующий». При переводе же первой необходимо учесть, что в греческом языке буквы «в» нет, а ее роль в данном случае играет греческая «ипсилон», которую согласно правилам произношения греческих букв следовало бы прочитывать как «и». Поэтому «Эври» есть не что иное, как искаженное при греческом написании имя Яры. И значит, Эвринома переводится как «кочующая Яра (Рея)». Нельзя не признать, что такой перевод идеально (!) соответствует содержанию пеласгического мифа творения. Итак, пеласги пришли в Грецию с севера и принесли на ее земли культ богини Яры. Сами себя они в честь своей верховной богини называли ариями. Время их прихода — середина IV тысячелетия до н.э.

Мужской параллелью Яры является Яр (или, в современном варианте произношения, Ярила). Яр — божество весеннего плодородия. Веселый и разгульный, этот бог страсти и удали представляется молодцем красоты неопишуемой; в белой епанче сидит он на белом коне, на русых кудрях сверкает цветочный венок, а в левой руке ржаные колосья. Он наделен богатырской силой и веселым характером: все, что передает животворящему лету весна, воплощается в нем по прихотливой воле суеверного человеческого воображения. Взглянет Ярила на встречного — тот без пива пьян, без хмеля — хмелен; встретится Яр-Хмель с девицей-красавицей — мигом ту в жар бросит: так бы на шею кому и кинулась. Белый конь, на котором восседает Ярила, — характерный атрибут бога солнца. Яр олицетворяет пробудившееся после долгих холодов солнце. В нем чувствуется по преимуществу жарко и плодотворно греющая, похотливая, фаллическая сторона божества. Праздник возвращения весны (рождения Яра) называется Юрьев день. Он приходится на 23 апреля. В Малороссии Яра (Юрия) именovali Урай, в Белоруссии — Рай, Раек. Как легко искажается и отпадает гласная в открытом слоге даже в русских говорах! Что уж говорить о чужеземных вариантах произношения наших имен! Русские солдаты, когда идут в атаку, криком «ура» призывают помочь им бога Яра. Это наш (и никакой не татарский!) древнейший, боевой клич. И в стародавние, и в нынешние времена он объединял защитников Руси.

Проводы Яра устраивались в разные сроки, но обычно ближе ко второй половине июня, на неделе перед Ивановым днем (24 июня).

Празднование Ярилы, согласно поучениям против язычества, носило «разнузданный» характер, сопровождалось винопитием, фривольными играми и кулачными боями. Игрище в его честь завершалось обрядом погребения отживающего свой век, вместе с весною, бога. Служа исключительно выражением «припекающей» стороны солнца, вызывающей в природе похоть (ярь), сочетание полов и обильное плодородие, одряхлевший к концу весны, он изображался стариком или куклой с непомерно большим фаллосом: любезного бога чествовали, носили процессией, пели во хвалу его песни, а потом с причитаниями, плачем и завываниями хоронили. Исследователь русского фольклора А.С. Фаминцын, автор книги «Божества древних славян», отмечал: «В Ярилиных игрищах воспроизводится в драматической, хотя, разумеется, более первобытно-деревенской форме, чем в Древней Греции, та же самая идея кончины представителя весеннего плодородия, возвратившего всю природу к новой жизни после зимнего сна, а затем, с наступлением высшего солнцестояния, удаляющегося, умирающего, уступая место возвращающейся зиме». Странно, что исследователь в дальнейшем не развил свою мысль. Ведь если в России аналогичное празднество было более древним, чем в античной Греции, то это могло означать только одно: истоки обряда похорон и последующего воскресения бога плодородия надо искать на севере.

Наш отечественный мифолог Г. Снегирев еще в XIX в. указал на близость образа Ярилы и греческого Эроса. Греки считали Эроса (Эрота) одним из древнейших богов. Высказывалось также мнение, что Эрос, высиженный из Мирового яйца, был первым из богов. Он творец мира (без него ничего бы не родилось!), многоискусный, владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и тартара. Для греков, созидавших свой пантеон богов во второй половине II тысячелетия до н.э., Эрос представлялся уже незнакомцем, даже чужим, и потому не был включен в число олимпийцев. Известны изображения Эрота в виде крылатой «Злобы», в том смысле, что неуправляемое половое влечение может быть опасным для здорового общества. Гесиод относил его к числу четырех первоначал мира наряду с Хаосом, Геей и Тартаром, но полагал некой абстракцией. Более поздние поэты изображали его прекрасным юношей, поражающим своими стрелами сердца влюбленных. Однако даже в поздней античности существовал архаический культ Эроса, которого почитали в виде необработанного камня (символа фаллоса). Добавим к этому, что крылья за спиной Эрота сохранились с тех «доисторических» времен, когда его мыслили сказочной птицей любви и сравнивали с северным ветром, оплодотворившим Великую богиню Яру. Эрос, таким

образом, является греческой формой написания русского Яра. Другими словами, Эрос — это воспринятый греками русский бог Яр.

Геродот сообщает, что ранее Эллада называлась Пеласгия. Это название родилось от греческого словосочетания «Белос-гея», что означает «земля Бела». Пеласги (то есть носители культа Бела) говорили на варварском наречии. Они оказали влияние на эллинов, позаимствовавших у пеласгов некоторых богов. Одним из них был бог Бел, которого греки стали называть Гелий (Гелиос). Это очень древнее доолимпийское божество, культ которого принесли в Грецию предки русских и славян — пеласги. Согласно греческим мифам, Гелиос владел множеством стад, которые он держал в самых разных уголках Греции и даже на Сицилии. При разделе земель, устроенном Зевсом, — верховным богом греков, Гелиосу достался лишь остров Родос (у юго-западного побережья Малой Азии), названный так в честь его жены Роды. Ее имя очень близко и понятно всякому русскому человеку и, очевидно, заимствовано греками у наших предков. Имя тещи Гелиоса — Левкотея, что значит «Белая богиня» (женская параллель Бела): вот и еще одна «ниточка», связывающая греческого и русского богов. По легенде один из сыновей Гелиоса основал в Египте город Гелиополь и был первым, кто обучил египтян астрологии.

Греческая традиция знает пеласгов, но о народе ариев не упоминает. Причина этого заключается в том, что та часть ариев (носителей культа Яра и Яры), которая пришла с Русской равнины в междуречье Дуная и Днестра и далее на Балканы, породнилась с некоторыми протославянскими славянами. Культ Бела, в отличие от Яра, носит общеславянский характер! Другими словами, мигрировавшие арии влились в состав протославянского этноса, прародиной которого были земли от Одера до Днепра. Таким образом, в колонизации греческих земель в середине IV — начале III тысячелетия до н.э. участвовали как предки русских (арии), так и предки славян.

Мы открыли для себя очень интересное обстоятельство: с именами верховных богов Ки, Яра (Яры) и Бела связаны названия трех древнейших племен, причастных к истории Средиземноморья. А не является ли это отражением некой общей закономерности? Проверим наше предположение для ряда богов, занимавших первостепенное место в древнерусском пантеоне.

Вот, к примеру, Коляда — солнце-младенец, в славянской мифологии — воплощение новогоднего цикла, а также персонаж праздников. Коляда праздновалась в зимние святки с 25 декабря (поворот солнца на весну) по 6 января. Когда-то Коляду воспринимали

как одно из влиятельных божеств: не случайно первый день связанных с ней торжеств и гуляний приходится в христианстве на день Рождества Христова, а последний на праздник Богоявления. Коляду кликали, зазывали, посвящали ей предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 г. Коляда признавалась божеством веселья, потому-то ее и призывала, кликала в новогодние празднества молодежь. Согласно текстам обрядовых песен, Коляда — персонаж женского рода. Это следствие глубочайшей древности ее культа. По русским народным поверьям Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности светила. Одно из древних названий Солнца — Солонь — тоже женского рода. И еще в XVIII — начале XIX вв. подмосковные крестьяне наряжали Колядой молодую девушку: надевали ей поверх теплой одежды исподнюю сорочку, обычно белую, и возили в санях по всей округе, распевая колядки. В святки рядились в животных, чаще всего в козу и медведя. Хождение с козой (символом плодородия) было наиболее распространенным игровым обрядом зимних святок.

Древние люди сравнивали диск солнца с колесом, катящимся по орбите. Колесо по-древнерусски звучит как коло, это слово и послужило основой для имени Коляды. Если имя Бела происходит от эпитета, вызванного зрительными ощущениями («белый»), то в имени Коляды на первый план выходят геометрические ассоциации — идеипредшественницы будущей астрономии. Коло — одно из древних имен божества Солнца. Об этом писал еще Гоголь в «Ночи перед рождеством»: «Был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога... от того и пошли колядки». С именем Коляды связаны такие сакральные понятия как «колдун», «колдовство». Одно из древних названий полярной звезды, главного ориентира северного неба, вокруг которой все вращается на земле, было Кол.

По-гречески круг переводится как «киклос». Соответственно людей, поклонявшихся божеству Коло-Коляда, греки называли киклопами или циклопами. Мифы рассказывают, что циклопы были строителями гигантских стен и кузниц вначале во Фракии, а затем на Крите и в Ликий (область Малой Азии южнее Троады). Циклопы напоминают о сообществе древнеэлладских бронзо-кузнецов. В их честь группа островов Эгейского моря названа Кикладскими. На них, наряду с культурой материковой Греции и Крита, в медном и брон-

зовом веке (XXVI — конец XII вв. до н.э.) существовала особая культура, названная кикладской. Во II тысячелетии до н.э. она испытала влияние критской и микенской (материковой) культур. Кроме того, установлено наличие ее контактов с другими областями Эгейского региона, в том числе с малоазийскими Ликией и Троадой. Поселения жителей Киклад состояли из построек прямоугольной, реже — закругленной формы; в основном эти поселения не были обнесены укреплениями. Наряду с одноцветной керамикой на Кикладах изготавливались сосуды с цветным процарапанным орнаментом (так называемые кикладские сковороды, сосуды из камня; сосуды были главным образом выпуклой формы — кубки, кувшины и т.д.). Найдены на Кикладах и мраморные идолы — непропорциональные, часто с утрированной головой, различного размера (до 3/4 человеческого роста), стоящие или сидящие (например, изображение играющего на арфе).

Проанализировав текст «Одиссеи», которой посвящена отдельная глава, можно заключить, что циклопы проживали также в Южной Италии и на Сицилии. Видимо, именно этот остров, возвращаясь из Троянского похода, и посетил Одиссей. Проживавший там Полифем вполне миролюбиво начал разговор с гостями, но его отношение к ним сразу изменилось, как только он узнал, что странники прибыли, «город великий разрушив и много врагов истребивши». Циклоп, очевидно, сочувствует троянцам и оттого пытается отомстить ахейским воинам.

На острове Полифема отсутствуют укрепления: их жители осознали свою силу и были открыты миру. Циклопы и греки поклонялись разным богам. Полифем говорит Одиссею:

Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в божестве Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей...

Собственно, Гомер устами циклопа проговорил ту истину, к которой мы должны пробираться через груды доказательств: греческая мифология возникла и развивалась (уже самостоятельно) на славянской и русской основе.

Перед тем как попасть в пещеру к Полифему, Одиссей со спутниками высадился на соседнем, пустынном острове, где паслись тучные козы. Гомер сообщает, что ахейцы истребили их в несметном

количестве. Коза — священное животное Коляды. Остров Коз был религиозным центром циклопов, и его пришельцы осквернили убийством. Ясно, что после этого ни о какой дружбе Полифема со спутниками Одиссея не могло быть и речи.

Глаз циклопа является символом солнца, солярной эмблемой. Когда Одиссей ослепляет Полифема, солнце перестает светить. Хотя в ту пору уже наступило утро (Одиссей дождался зари), слепой циклоп взывает к звездам (!):

...тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке...

Символически действия Одиссея следует истолковывать как надругательство над культом бога солнца Коло.

На Русском Севере зимние святки и связанное с ними колядование именуются Виноградьем, которое входит в припев колядок. И это там, где никакого винограда и в помине нет! Откуда же пришел на север культ виноградной лозы? Очевидно, из теплых стран, и «Одиссея» сохранила свидетельство винодельной традиции у древних ариев:

Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.

Праздник колядок неизменно сопровождается выпивкой, над этой ритуальной традицией и глумится Одиссей, когда перед тем, как убить, опаивает великана до полного бесчувствия.

Читатель, наверное, уже не удивится, если узнает, что истоки образа Полифема находятся опять-таки не в греческом, а в русском фольклоре. Вот очень короткая сказка про Лихо.

Жил да был человек и не знал, что есть на свете лихо; слышит — люди часто его поминают, и решил, во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плечи и пошел. Шел, шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человеческих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха; его ищут!» — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на покути, ноги на печке; ложи под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человечесью голову и потчует, а само Лихо *слепое*. Взял гость голову да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал». —

«А где ты, головка-мотовка?» — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Значит, съел, — подумало Лихо. — Ну, теперь твоя очередь». Гость улучил годину [час] да бегом. Дверь железная заскрипела; Лихо узнало побег и закричало: «Двери держите, уйдет!» Но он уже был за дверью; только правую руку не уберег, в дверях оставил, да тут и сказал: «Оце лыхо!»

Не правда ли, эта история подобна той, что рассказал Гомер? Правда, Одиссей сам ослепил великана, но это уже «детали», следствие позднейшей, художественной обработки исходного мифа. Лихо очень древний образ русской мифологии. Оно может являться также и в облике худой женщины без одного глаза, иногда — великанши, пожирающей людей. Лихо — воплощение Великой богини (Верховного бога), ее людоедство — отголосок тех древнейших времен, когда ей приносились человеческие жертвы. Поэтому совершенно неоправданно переносить кровожадные наклонности Полифема на тот народ, символом которого он выступает в греческом эпосе. Другое дело, хозяйственная и экономическая сторона жизни циклопа, в которой он понастоящему велик, и греческое значение его необычного имени — «знающий много песен». Тут нам следует полностью довериться Гомеру.

Ну, а что значит Лихо? Ведь это наше божество и смысл его имени должен хранить русский язык? Ответ оказывается неожиданно простым, и в высшей степени удивительно, как мимо него прошли наши ученые. Мы говорим Лихо, но изначально имя божества было Лико — Одноглазое Лико, лицо с одним-единственным глазом. Это и образ Лиха, и портрет Полифема. Лицо с одним глазом посередине соответствует солярному знаку. Сам глаз символизирует круг, божество Коло. Одноглазое Лико — это образ Вечного Неба, днем на нем сияет солнечное око, а вечером лунное. Да, круг, колесо служили символами не только солнца, но и луны. Это хорошо уловил современный поэт:

В фиолетовом эфире
Лишь лимонная луна,
Вечный странник в спящем мире,
Навсегда лишенный сна.
Капля солнечного сока,
Загустевшего в веках,
Как приветливое око

Круг ее на небесах.
Красотою совершенной
Отпугнула облака
И за нашей жизнью бренной
Наблюдает свысока.

Точно так же и бога Коло следует мыслить более широко. В известной русской сказке Колобок, он же Коло-бог, представляет поэтический образ луны, которая из круглой может превратиться в тощий месяц (откушенный колобок), а то и совсем пропасть во время затмения (быть съеденной).

Лихо — более древний персонаж, нежели Коло. Оттого и изображают его не красивым и светлым, а уродливым и мрачным. Таков удел первобогов. Но именно их имена живут в названиях племен! Ликийцы — исторический народ. Ликией называлась область в юго-восточной части Малой Азии, но были также ликийские поселения и в Троаде. По преданию ликийцы переселились сюда с Крита. Геродот сообщает также, что «обычаи их частью критские»; они тоже не греки, а варвары. Страбон упоминает, что для строительства крепостных стен в Тиринфе (город на полуострове Пелопоннес) были приглашены циклопы из Ликии. Но это означает, что ликийцы и циклопы были в дружественных отношениях. У ликийцев долгое время сохранялся матриархат, они называли себя по матери, а не по отцу. «Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин — будь он даже самый влиятельный среди них — возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства» (Геродот). Из всех арийских племен, оказавшихся в Средиземноморье, они более других исповедовали культ Великой богини. Но не об особом ли положении женщин и у циклопов говорит тот факт, что Полифем собственноручно доит коз? В русских песнях Коляда поминается всегда только как женщина, и это можно истолковывать как признак длительного существования матриархатных отношений у племен, поклонявшихся божеству Лихо или Коло — циклопов и ликийцев.

Ликийцы и пеласги были в числе народов, защищавших Трою. Союзниками троянцев были также и народ карийцев, которые, по свидетельству Геродота, раньше назывались лелегами — по имени древнерусского бога любви, сына богини Лады. Мы не будем делать

пока окончательных выводов, но в целом уже вырисовывается достаточно неожиданный взгляд на место Троянской войны в истории Древней Греции.

Греки-ахейцы на протяжении II тысячелетия до н.э. целенаправленно вытесняли из Средиземноморья проторусские и протославянские племена, пришедшие сюда тысячелетием с лишним ранее. Покинув материковую часть Греции, Крит и острова Эгейского моря, проторусы и протославяне сконцентрировались в северо-западной части полуострова Анатолии, в Троаде и близлежащих к ней областях. Именно на этих землях и разыгралась Троянская война, которая стала финальным аккордом их многовекового противостояния с греками.

Глава 6

ВОЙНА БОГОВ В «ИЛИАДЕ»

Ввиду того, что многие чужеземцы, не только эллины, но и варвары, отнюдь не достойные с нами права гражданства, неизвестно каким образом попали в наши списки, приняли вид богов и так заволокли небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной...; ввиду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест, вопреки отцовским обычаям, и желая большого почитания на земле; постановил Совет и Народ созвать собрание на Олимпе... и выбрать семь судей из богов истинных;... Пришедшие пусть принесут доказательства своего происхождения... Судьи, произведя расследование, либо объявят их богами, либо отошлют их в могилы и семейные гробницы... И каждый пусть делает только свое дело: Афина не должна исцелять... Аполлон пусть не исполняет сразу столько разных дел, но, выбрав что-нибудь одно, да будет пророком, или музыкантом, или врачом... У тех же, кто раньше был несправедливо удостоен храмов и жертвоприношений, изображения отнять и поставить статуи Зевса, Геры, Аполлона или кого-нибудь другого... Таково наше постановление.

Лукиан. Собрание богов

«Илиада» посвящена реальным историческим событиям. В битве за Трою сражаются народы и племена, хорошо известные историкам

из других античных источников. Но, помимо противоборства человеческих армий, в поэме рассказывается и о распре богов, случившейся на греческом Олимпе во время Троянской войны.

Боги разделились на два враждебных лагеря: одни помогали троянцам, другие ратовали за ахейцев. Гомер описывает это так:

К брани, душой несогласные, боги с небес понеслись.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посейдон многомошный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригуший власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Здесь Феб — традиционный эпитет, прилагавшийся к богу Аполлону, Киприда — одно из имен Афродиты, а Ксанф — название реки под Троей, которую называли также Скамандром. Само слово «ксанф» обозначает «рыжий, бурый» и потому иногда служило также кличкой лошади: так зовут коней Ахиллеса и Гектора.

У Гомера боги не бездействуют во время сражений вокруг Трои, не наблюдают безучастно за развитием событий. Они вмешиваются в дела и битвы людей, влияют на их решения и поступки. Разумеется, страсти на Олимпе кипят не столь бурно, нежели на Земле, — там все-таки есть полноправный правитель, которому подчиняются все остальные, да и, кроме того, в войне бессмертных богов не может быть убитых, но противостояние двух групп богов, их борьба или, лучше сказать, открытая вражда, вполне может быть охарактеризована словом «война».

В начальной стадии Троянской битвы боги пытались в одиночку повлиять на ход событий. Первым из богов военные действия начинает Аполлон. По просьбе своего служителя Хриса, у которого греки похитили дочь, он насылает язву на войско ахейцев. На первый взгляд, та ужасная девятидневная казнь, которую Аполлон устроил греческому войску, так что

Частые трупов костры непрестанно пылали по стану,

кажется излишне жестокой. Неужели она была связана только с наказанием за обиду Хриса? Конечно же нет! На пути к Трое ахейцы

«К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися...»

останавливались на родном острове Хриса с точно таким же названием. Думается, что рану свою Филоктет получил в результате военного столкновения с его защитниками. В тот момент Хрисеиды уже не было рядом с отцом, он отослал дочь в Фивы, где она была бы в большей безопасности. Царь Фив Этион выдал свою дочь Андромаху замуж за старшего сына Приама — Гектора. Этион и Приам, таким образом, были в родственных отношениях, и надо полагать, что в Троянской войне Фивы выступили на стороне троянцев. В этом как раз и кроется причина похода греков на Фивы. Ахилл предельно лаконично подводит его итог:

Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану.

Но если Хрисеида спасалась у союзников троянцев, то и ее отец должен был поддерживать политику Трои. Не случайно, значит, получил рану Филоктет: народ Хриса принял на себя первый удар в Троянской войне! Прежде, чем напасть на троянцев, ахейцы овладели и разорили остров Хриса, а также разгромили множество союзных Трое городов, в том числе и Фивы. Этим они безусловно навлекли на себя гнев Аполлона — одного из главных богов-защитников троянцев.

Бедствия, обрушившиеся на греков, так напугали их, что они уже готовы были отплыть домой на родину. Но тут в дело вмешалась Гера. Она «вложила в мысли» Ахиллу собрать всех ахейских воинов и пригласить прорицателя, который бы объяснил, почему так раздражен небожитель. Для греческого оракула причина более чем ясна — надо вернуть Хрисеиду отцу и умиловить Феба обильными жертвоприношениями. Греки так и поступили, чем несказанно обрадовали скорбящего о

Гера

дочери Хриса. И теперь уже он просит Аполлона отвести от ахейцев погибельный мор.

Так он взывал, — и услышал его Аполлон сребролукий.

Но еще более впечатлило бога, что его восхваляли ахейские воины:

Целый ахеяне день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.

У пирующих греков настроение тоже было отменным: дорога на Трою теперь для них была свободна.

Во время первых военных столкновений каждый из богов старается уберечь того или иного своего любимца от смерти. Афродита спасает Париса от Менелая, закрыв его облаком, и переносит в брачные покои к прекрасной Елене, она же помогает Энею спастись от неистового Диомеда. Того, в свою очередь, когда он бесстрашно сражается с самим Ареем, поддерживает Афина. В сложнейшую ситуацию, однако, попадает бог Гефест. Сын Зевса и Геры, он на стороне ахейцев, но в войске троян воюют дети жреца Дареса, хранителя культа Гефеста. Бог решается спасти от смерти одного из них, только одного (!) — пусть «не вовсе отец сокрушится печалью о детях». Этот эпизод, однако, заставляет олимпийцев всерьез задуматься: ведь сами боги были общими как для троянцев, так и для ахейцев! В том же Илионе был храм Афины, а защитники троянцев — Арей, Аполлон и Артемида — входили в число верховных греческих богов. Осознавая это, Афина Паллада

За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, отец сокрушитель,
Кровью покрытый! Не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»

Вторя дочери, Зевс извещает своих подданных:

Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,

Зевс — владыка богов

Афродита одолживает свой пояс Гере